

(начало на стр.5)

Что за книга с таким мрачным названием "Мертвые бродят в песках"? написал Роллан Сейсенбаев? Это роман-сага, роман-эпос, проповедь, задание, роман-пророчество, роман-укор и обвинение живущим на земле, роман-драма и трагедия. Взял принцип мониста, ожерелья, подвески, когда драгоценные "зёрна" нанизываются на общий шнурок. Нечаянно оборвался он – и все бусы, камни, серебряные монеты, клыки медведя, мышиные косточки рассыпались и, и казалося, навсегда пропал образ украшения, его мистика, очарование, гипнотическая сила и, глядя на эти разруху под ногами, кажется, что их уже не вернуть в дружественную общность. Но вот они снова на одном шнурке, и каждая бусина обретает утерянную красоту, дополняя друг друга, но не ущемляя, не отбирая возвышенное, дорогое качество. Дороговья общая преодолевает единичную ценность.

В подобном тонком мире существует и роман Сейсенбаева.

Метод сочинения сложный, рискованный, недолго и власть в анархию, иль излишнюю назидательность, заумность, укоризну и печаль, утонуть под грузом жутких случаев, творящихся вокруг, залить страницы желчью "чаадаевщины", которой, увы, заболела и русская интеллигенция, и тогда красота отдельных новелл вдруг не сможет преодолеть бессюжетность, и роман рассыплется, не достигнув души, как те самые бусы казахской (русской) престелницы. Я думаю, что сложный творческий урок, который Сейсенбаев задал себе, он исполнил достойно, несмотря на длинноту и неизбежные в огромном полотно повторы. Ожерелье иль оттеняет красоту, иль подчеркивает безобразие – всё зависит от таланта создателя.

Кто не любит свой народ, тот невольно изблывает из себя родину. Любить свой народ чрезвычайно трудно, кому-то и невыносимо, ибо он живёт как-то неправильно, не по-европейски: ведь простец-человек внешне непритязателен в грубой жизни на земле, изветренный солёными ветрами с Синеморья, истерзанный песчаными бурями "Карабаса", иссушенный испепеляющим солнцем, похожий на корень саксаула, с потрескавшимися, в цыпках, руками, изморщенным в гармошку лицом, и говорит-то он безыскусно, не выбирая цыгальски-грамотных слов, а что на душу положит и на язык вскоичит... Но простец-кормилца нельзя не уважать и не почитать, если глубоко проникнешь в душу соплеменника, продлевающего свой род в суровых для проживания местах, что волею Аллаха стали его родиной. Невольно станешь свояком ему, если почувствуешь духовную полноту и красоту, изольётся из словесного гремящего родника. И потому Роллан избегал "каиновой" хвори: "Как сладко родину ненавидеть". Это Чаадаев, который геройски воевал в боях с Наполеоном, десяток лет поживши во Франции и отравившись поганым вольтерьянским духом, писал: "Все нации как нации, и только русские созданы для того, чтобы ужасать мир". Правда, невдолге до смерти, общаясь с Пушкиным, Чаадаев покаялся в своем ужасном душевном надломе, которым когда-то восхищался и гордился, преда-

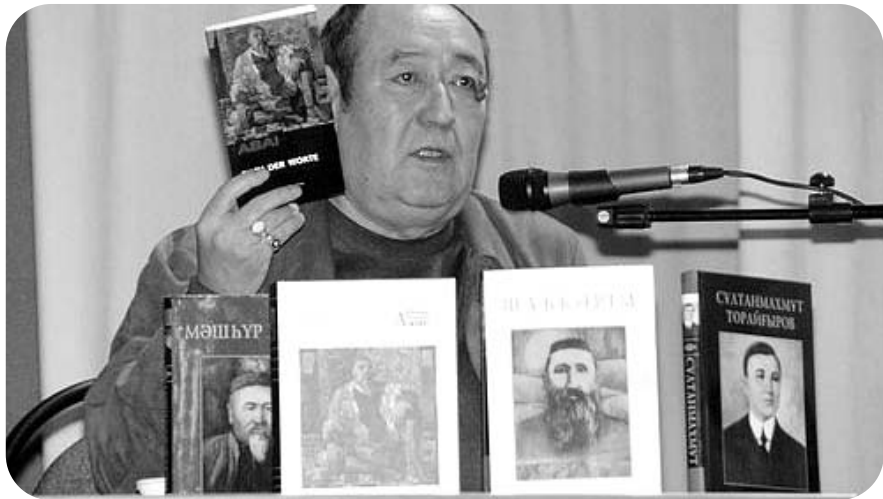
вая Россию публичною осмеянию.

Слава Богу, этой нравственной кризисы Сейсенбаев избежал, ибо не утратил связи с почвой, не превратился в барчука-каиниста (либерала) по типу тех, что спрятались за стенами городов и клеветуют на отечество, рассылая по всему миру подмётные письма.

Безумная Кызбалла, потерявшая мужа и сына, ходит по пескам по берегу погибающего Синеморья (Аральского моря) и поёт высоким чистым голосом: *"Потух в моём сердце огонь, зажжен-*

Куда ты мчишься, огненный конь?

ный тобой. Свет души моей, никого я больше не люблю... Я так и представляю эту филогическую картину: вот бредёт по берегу старуха из поморского селения Караоя, занятая своими

большими видениями, загребая босыми ступнями жаркий песок, следом плетутся коза с козлёночком, а за ними, высунув лобастую голову из воды, следит огромный бурий сом, когда-то заглотивший саврасую лошадь вместе с всадником. Кызбалла вовремя заметила это исчадие ада, погрозила рыбае-сатане сухоньким кулачком и бес-смертный океянский сом, смутившись, что его вдруг обнаружили, погрузился в жёлтые воды и на время сполз от берега на глубину, где стережёт его супротивница, добрая охранительница рыбаков Ата-балык. Такая же безумная старуха намерено ходила и на моей родине по берегу студеного Белого моря, и дожидалась хозяйна, пропавшего на звериных ловах, ибо на северах жили от промысла, ждали от Бога помощи, волховали у костра, просили удачи у добрых духов, говорили с поклоном и сердечной любовью: "море – наше поле". И добавляли: "Кто в море не был, тот и Богу не маливался".

Если роман наполнен народными языческими представлениями о мире, то и название должно подыгрывать ему, открывать глубинную философскую сущность работы. Тем более, что роман "Мёртвые бродят в песках" пророчесствует о безысходности, о близком конце света, "апокалипсисе", стоящем "при дверях", который когда-то напустили священные книги, и уже появился первый вестник страшного судного дня, дикий красавец огненнорыбный конь, при виде которого томится у ста-

рика-казаха сердце от неземной красоты, но замирает душа от неизбежной беды; Аллах видит её знаки и не хочет даже мастью помирволить казахам, успокоить их, облегчить на горбине торбу зла, тот самый крест судьбы, отпущенный Господом для каждого из живущих; огненнорыбный неистовый жеребец появляется в рыбацком посёлке Караоя, уже как хозяин, высматривает дворы его обитателей и каждый раз уводит за собою полюбившуюся кобылицу. Уже есть явные приметы кон-

ца света, уже ничто не сулит добра; народ вымирает, обмелели Иртыш и обе Дарьи, озеро Балхаш, высыхает Сине-морье, вода ушла в чрево земли, и людям не сыскать и пригоршни влаги,

Под пятою чиновного равнодушия, казенной черствости столоначальника, пораженного денежной проказой, подпавшего под дьявольскую руку мамонь-каина, которого уже никогда не пробудят к жалости и сопечалованию чужие страдания и слёзы, погибает милосердная долготерпеливая душа русского и казаха, забывающего свои истоки.

Вот озирается сокрушённый несчастьями казах, глядит вокруг доверчивыми глазами и никак не может понять истоки беды, её насыльщиков. Казен-

ные люди уверяют с "наивным просто-душием", дескать, преступление не имеет национальности. Увы... В корне каждого преступления лежит национальность человека (его характер, почерк, особенности быта, и конечно же кровь, текущая в жилах.) Но для чиновника, что ныне взял власть в России, в любой республике бывшего Союза, нет национальности, он космополит и либерал, он раб денег, ростовщик и слуга дьявола, и потому безлик и безнравственен; его родовые качества в мире наживы не нужны, душевные переживания лишь мешают, отвлекают от выгоды в ловких сделках с бесами. И мулла Насыр не может разобраться, откуда наступает на его родину орда нечестивых, и никто, даже Аллах, не может ему помочь... "Ночью в окна бился холодный ветер – завывал, швыряя пригоршни песка в стекло. Насыр встал с постели, сел, прислонясь к тёплой печи, и просидел так до утра. За окном развиднелось. Ветер становился всё злее и злее. Это были нещадные ветра Карабаса. Теперь, когда Насыр каждый день слышал стон умирающего моря, эти ветры казались ему зловещими вестниками новых бед". И далее: "Если море вскоре умрёт, какой смысл везти мертвецов к нему? Кто не услышит плеска его волн, пески криком будут мертвы".

Без чиновника, конечно же, обойтись нельзя, на нём государство стоит, он расширяет узкие места в потоке бесконечных дел, даёт ходу "денежной крови", но когда перед ним ежедневный тоскливый взгляд униженного просителя, эта "Чернильная душа", пусть в молодых летах и была исполнена добродетелей, невольно с годами службы скукоживается, усыхает и уже не подпускает к себе Бога, чтобы не превратиться в сладкое "тесто". Вот и Кахарман, сын Насыра, беспокойный неуживчивый, гордый человек, болеющий за малую родину, бродя по кабинетам, чтобы разрешить беду умирающего Синеморья и тем успокоить совесть, невольно становится в глазах властей настырным сутягой, прошаком, бездельником; чувствуя от столоначальника только сквозняки и стужу, сам замыкается и скоро сгорает в отчуждении и ненависти к равнодушному государству.

"Страна рабов" – с горечью думает рыбак Кахарман, захватывая в себе горечь одиночества, заливая вином тоску и печаль, но беда-то не пропадает, а обретает зловещие мистические формы и дьявольскую сущность. Ему кажется, сам дьявол пришел в Казахстан, отодвинув Аллаха, и навсегда забирает в полон душу его родины, припуская

в естество мирного степного человека самые гнусные виды разврата. В растерянности Кахарман озирается вокруг, стараясь найти виноватого, он чувствует себя чужим, прожакенным на родной земле, даже небо отворачивается от казаха, и невольно взгляд упирается в Кремль. Там, конечно, там окопались те негодяи, которые всюду насылают козни и беды.

Философ Георгий Гачев подбрасывает читателю в своём предисловии к роману коварную мысль, дескать вина лежит на Севере, он давит на юг, на безмятежный Казахстан всей своей массой, притягивает как магнитом, отбирая волю, чтобы казахи растворились в русских и забыли в себе Аллаха. Вот и Абая, дескать, соблазнили эти русские, вырвали из национальной среды. Крохотная мысляшка похожа на подлазущую блоху; скачет, шкочет, но не даёт в руки. К кести Сейсенбаева он не подверстывает вчиненную досужими городскими умами в свой роман-трагедию расхожую в интеллигенции мысль – во всём виноваты русские. Писатель выше национальных обид, от которых вдруг вспыхивают пожары. Он пытается найти истоки всеобщей беды, которую устроили "каины-ты", хранит в памяти устроительные строки своего дальнего предка Абая:

*В душу вляпёшь глубже,
сам с собою побудь.
Я для тебя загадка, я и мой путь.*

Частенько вспоминается соколиная охота в Киргизии. Случай незабывательный, зрелище восхитительное. Горы, подомно опытный конь, внизу голубая чаща Иссык-Куля. Замечательная простая семья, где меня приютит на несколько дней. Простой благожелательный сельский быт, и никакой наклики на сердце. После охоты устроили достархан, хозяин забил барашка. Много было выпито и говорено. До распада Советского Союза оставалось десять лет, громадная страна казалась вечной, незбываемой. Пировали, популעה на ковре. На праздник кто съехалось всё районное начальство, им хотелось услужить, похвалиться гостю, "столичной штучке". И вдруг первый секретарь райкома безо всякого повода, со злом в голосе прокрипел мне: "Вы, Москва, всё наше мясо съели". Я невольно всплеснул на эти кощуны, такими нелепыми они показались: "Придётся время, и вы будете без Москвы землёю есть". И как в воду глядел. В девятности в Киргизии началась долгая смута, прежние партийные чиновники превратились в баев, а простолудины стали батраками, если случалась работа. И вот по телевизору берут интервью молодого киргиза. И он стонет с отчаянием: "Окаянная жизнь настала. Мы теперь землёю едим". Не мясо съела Москва, но Москва "съела" горные пастбища, те сырты, по которым пасли киргизы отары курдючных баранов, пять миллионов овец выстригали траву, оголяли склоны до камня, на котором рос лишь татарник, угрюмый цепкий чертополох. Это был предел, больше не выдерживала вытоптанная оскудевшая земля, но из стоплиги требовали увеличить стадо до шести миллионов.

Повинна партийная верхушка, верстающая безумные планы "догнать – и перегнать Америку по молоку и мясу";

чиновная услужливая знать на местах, насилуя мать-сыру-землю, попирая национальную этику и эстетику, помогала бездушной честолобным устроителям нового мира выращивать цветы зла ради награды, денег и властного кресла.

...И неожиданно распался Союз, расползлась страна по швам, как старый сопревший кафтан, изъеденный молью, и ничего вдруг не оказалось из припасов, остались у пустых закромов, мыши и крысы успели всё растащить по своим сخورам, подпольным лавочкам и ларькам, буфетам, забегаловкам, магазинам "только для посвященных" и складам, молоко стали выливать в стоочные канавы, стнки – в металллом, копчёную колбасу и мясные туши – на свалки. Так делаются революции. Они ведь не приходят сами собою. Надо вытолкнуть недовольный народ на улицы.

И в тихом умирании, тлении, внутренней хвори Казахстана виновата не борьба севера с югом (как полагал философ Гачев), ибо так же тлела, изнывала, корчилась от боли вся трудовая Россия до самых до окраин. (Знаю по своим русским северам, где с масоном Горбачевым, поклонившимся сатане, жизнь тоже быстро покатила под откос.) Так продолжается вековая война между потомками Авеля и Каина, схватка почвы, деревьев, аула, мушкетера с копыторой и скотовода с кнутом с теми, кто окопался в городах, в затишках каменных ущелий, в новых вавилонах, кто живёт с роста, с процентов, вращивая деньги в банках, – всякие выжили, плуты, ростовщики, закорючники, "бисовы выродки" и умшленные люди. Для них родная земля и дети почвы – это презренная грязь, от которой отступился сам Аллах, ибо Господь деньги даёт умным. Если ты богат, значит, несомненно отмечен Богом, достоин Верховной милости, у тебя иной, светлый путь по длинным дням жизни, и не надо тебе гнуть горбину в изнурительных трудах, ради ржаной корки, – так считают потомки Каина. И вот эта-то схватка и не затишает по сей день во всех уголках мира.

О том же самом и пишет Роллан Сейсенбаев: "Однако разве не в своих смрадных нечистотах погрязло человечество? Ведь деградация не вчера началась, а с того самого дня, когда Каин впервые пролил кровь своего брата Авеля". Каин, боясь мести родичей Авеля, бежал из дома своего, воздвиг каменные стены и закрылся в городе (первое подобие Вавилона), думая спасти себя и зловредное своё гнездилище. С тех пор одни копят презренный металл, поклоняясь "золотой кукле", другие в страстях и страданиях пестуют душу. И эта незамирающая вражда будет длиться до окончания дней, пока не примчат кони Апокалипсиса. Вечный бой падешего ангела с Богом. И человек, увы, тоже оказался между молотом и наковальней. Пастух и пахарь стали чужими, непонятными, презренными для горожанца; для обывателя – стяжателя и мешанина образованца – это низкое и пошлосое слово, то самое "червие земли", которое можно придавить властной ногой. И вот первый огненнорыбный конь уже поселил казахские аулы...

Владимир ЛИЧУТИН

(Полная версия – на сайте)

Очень умные герои в русских сказках вызывают у нас восхищение, а очень глупые – насмешку, а иногда и отпращение. Первые воспринимаются как герои бессорно положительные, а другие – как бесспорно отрицательные. Но есть в наших сказках дураки,

Чаще всего главного героя в подобных сказках именуют Иваном-дураком, но он может иметь и другие имена – Емеля, Мартын... В отличие от очень глупых сказочных героев, среди которых также встречаются Иваны, глупость героев, о которых идёт речь, вызывает сомнение.

Более того, в сказках эти Иваны и Емели, несмотря на то, что их называют дураками, оказываются в конечном счёте умнее умных. Вот почему в борьбе со своими врагами они становятся победителями.

А.М. Горький писал о таких дураках: "Герой фольклора – "дурак", презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда – победитель всех житейских невзгод".

Таких сказочных героев можно назвать умными дураками. Как умного дурака расценивают Ивана-дурака В.И. Иванов и В.Н. Топоров в словаре "Славянская мифология".

"ИВАН-ДУРАК, Иванушка-дурачок мифологизированный персонаж русских волшебных сказок. Воплощают особую сказочную стратегию, исходящую не из стандартных постулатов практического разума, но опирающегося на поиск собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу, но в конечном счёте приносящих успех" (*Славянская мифология. Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Азарикиной*).

Эти слова, очевидно, надо понимать так: в том, что Иван-дурак способен на поиск собственных решений, он умён, а в том, что он не признаёт постулатов практического разума, он глуп. Короче говоря, он – умный дурак. На умных дураков, изображённых в русских сказках, имеется две точки зрения – положительная и отрицательная.

Последняя преобладает у В.И. Иванова и В.Н. Топорова. Они выдвигают на первый план две черты Ивана-дурака – лишённость разума (глупость) и устранимость от дел (лень):

"Нередко подчёркивается бедность, которая вынуждает Ивана-дурака идти в люди, наниматься "в службу". Но в большей части сказок ущербность Ивана-дурака не в бедности, а в лишённости разума, наконец, в том, что он последний, третий, самый младший брат, чаще всего устранимый от каких-либо "полезных" дел. Целые дни Иван-дурак лежит на печи, ловит мух, плёт в потолок или сморкается, иногда он копаётся бесцельно в золе".

Исключительно отрицательную оценку нашему сказочному дураку мы находим в книге Андрея Донатовича Синаевского (Абрама Терца) "Иван-дурак: очерк русской народной веры". Несмотря на то, что её автор грёбёт всех дураков из наших сказок под одну гребёнку, по его суждениям о русском сказочном дураке вообще, мы видим, что речь идёт не столько о всех дураках, которые изображены в наших сказках, сколько об умных и удачливых дураках. Недаром свои выводы о сказочном дураке он подтверждает чаще всего на примере Емели-дурака.

Вот выводы Синаевского, о которых идёт речь: 1. "Разумеется, сказочный Дурак – не мудрец,

отношение к которым не выглядят столь однозначными.

Такие дураки изображены во многих сказках – "Сивко-бурко", "Летучий корабль", "Емеля-дурак", "По щучьему веленью", "Волшебное кольцо" и другие.

не мистик и не философ. Он ни о чём не рассуждает, а если и рассуждает, то крайне глупо. Но, можно заметить, он тоже находится в этом состоянии восприимчивой пассивности. То есть – в ожидании, когда истина придёт и объявится сама собою, без усилий, без напряжения с его стороны, вопреки несовершенному человеческому рассудку" (*Синаевский А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры*).

2. "Назначение Дурака – и всем своим поведением, и обликом, и судьбой доказать (точнее говоря, не доказав, поскольку Дурак ничего не доказывает и опровергает все доказательства, а скорее наглядно представить), что от человеческого ума, учёности, стараний, воли – ничего не зависит. Всё это вторично и не самое главное в жизни".

3. "Дурак не умеет и не любит работать. Он по природе своей ленив и старается большую часть времени лежать на печи и спать".

Мы видим, что в этих словах речь идёт не обо всех русских сказочных дураках, а только об умных дураках. Очень глупые герои наших сказок к этим выводам имеют очень отдалённое отношение. О какой пассивности можно говорить, например, по отношению к дураку из сказки "Иванушко-дурачок"? Герой этой сказки – отпетый дурак, но он отнюдь не пассивен и отнюдь не лентяй. Он с энтузиазмом разбрасывает клёпки из горшка с супом в собственную тень, с энтузиазмом выдавливает глаза овцам, а в конце концов с энтузиазмом топит в кулах своих братьев.

А.Д. Синаевский ушёл в своих прозрениях очень далеко. Он утверждал, что наш сказочный дурак олицетворяет такие черты русского народа, как "пассивность, леность, наивность, надежду на авось, расчёт на то, что кто-то придёт со стороны и всё за нас сделает".

Наш сказочный дурак, таким образом, предстаёт у А.Д. Синаевского как носитель типичных свойств русского народа вообще. А свойства, которые он ему приписывает, оказываются не самыми радужными – глупость и пассивность (лень).

На только что процитированной странице А.Д. Синаевский заявляет: "Русский сказочный дурак – это ведь не просто выражение каких-то типичных свойств русского народа, но явление куда более сложное и многостороннее".

С тем, что русский сказочный дурак – явление куда более сложное и многогранное, нельзя не согласиться. Увы, никакой сложности и многосторонности в том сказочном дураке, которого А.Д. Синаевский изобразил в своей книге, её читатели не найдут. Вся "сложность и многосторонность" образа русского сказочного дурака сведена у него всего к двум ведущим чертам этого образа – беспробудной глупости и неискоренимой пассивности. Никакого ума и никакой активности наш знаменитый диссидент в Иване-дураке не приметит.

Наш сказочный дурак в книге А.Д. Синаевского предстаёт перед её читателем вовсе не "слож-

ным и многосторонним", а как отпетый дурак и неисправимый лентяй. Только и всего! Что же касается утверждений её автора о том, что образ сказочного дурака выглядит привлекательным для русских людей, вызывает у них симпатии и т.п., то это в подтексте означает только одно: рыбак рыбака видит издалека.

В.И. Иванов, Н.Н. Топоров и А.Д. Синаевский сошлись на том, что наш сказочный дурак, чаще всего именуемый Иваном-дураком, – персонаж отрицательный. Другую – положительную – оценку ему дал наш прекрасный сказовед В.П.

Умные дураки

Аникин. Он писал: "Иван чужд корысти, праведен и чист душой, никого не обидит, не пойдёт, ни у кого не украдёт, не совершит насилия. Эти черты внутреннего душевного благородства героя возвышают Ивана над другими персонажами сказки. Народ одаривает его счастьем, делает удачливим. Герой – носитель тех социальных качеств, которые высоко ценятся народом: его незлобность, душевная доброта и сердечность становятся мерилом социальных качеств остальных людей" (*Аникин В.П. Русская народная сказка*).

В этой характеристике Ивана-дурака намного больше сложности и многосторонности, чем у А.Д. Синаевского. Здесь речь идёт о целом комплексе достоинств, которыми обладает наш сказочный Иван-дурак, – бескорыстности, правдивости, душевной чистоте, незлобности, честности, благородстве, доброте и сердечности. Положительная точка зрения на образ сказочного Ивана-дурака у нас преобладает над отрицательной. В обобщённом виде она выражена в "Википедии":

"С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему "уму" Иван-дурак успешно проходит все испытания и достигает высших ценностей: он побеждает противника, женится на царской дочери, получает и богатство, и славу... Иван-дурак – поэт и музыкант; в сказках подчёркивается его пение, его умение играть на чудесной дудочке или гуслях-самогудах, заставляющих плясать стадо... Иван-дурак связан в сюжете с некоей критической ситуацией, завершаемой праздником (победа над врагом и женитьба), в котором он главный участник".

Итак, существует две точки зрения на сказочного Ивана-дурака – отрицательная и положительная. Если в первом случае этот герой охарактеризовывается как глупый и пассивный (ленивый), то во втором – как умный и активный. Какая же из этих точек зрения ближе к истине? Вторая.

Большая часть сказок из цикла умный дурак начинаются с утверждения о том, что их главный герой – дурачок. Вот как начинается, например, сказка "Летучий корабль":

"Жили-были старик да старуха. У них было три сына – два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила – одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, чёрную корку жевал.

– Ему, дурачку, всё равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!" (*Русские народные*

сказки. Сост. В.П. Аникин).

Сказка "Сивко-бурко" из сборника А.Н. Афанасьева начинается с ещё более безрадостной картинке:

"Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался" (*Русские сказки. Сост. Ю.Ильина*).

В этой зарисовке мы обнаруживаем объяснение, почему Иван – дурак. Потому что бездельник. Это объяснение его глупости выглядит в сказках об умном дураке вполне естественным

Валерий ДАНИЛЕНКО

для трудящихся людей. Как можно жить без работы? Какой смысл в такой жизни?

К этим вполне резонным вопросам, между тем, можно присоединить и такой неожиданный вопрос: а какой смысл в работе, если она ничего не приносит? Какой смысл в работе Сизифа? Такая работа бессмысленна. К подобным размышлениям, между прочим, пришёл Емеля из сказки "По щучьему веленью" в афанасьевском варианте.

Эта сказка начинается не с обычного для рассматриваемого цикла утверждения о том, что в ней речь пойдёт о дураке, а с утверждения бессмысленности труда для бедного мужика:

"Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал – всё нет ничего! "Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри – придётся с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? – хозяйство большое, барыши сами в карман плывут!" (*Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*).

Попробовал Емеля богу молиться, но результат оказался всё тот же: "Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется". Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а всё молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: "Все люди станут разгавливаться, а у меня ни куска нету!" (*там же*).

Мы видим в Емеле из этой сказки вовсе не бездельника, а человека трудящегося, но протестующего против бессмысленного труда, да к тому же способного на осмысленный поиск своего пути к благополучию. Для такого поиска требуется ум. Между тем окружающие люди считают его убогим.

Всё дело в том, что у этих окружающих свой взгляд на жизнь – исключительно прагматический. Вот почему главные герои из сказок обсуждаемого цикла им представляются дураками. На поступки людей они смотрят по преимуществу с корыстной точки зрения.

Если поступок того или иного человека не подразумевает какой-либо выгоды, то этот поступок, по их мнению, следует расценивать как исключительно дурацкий.

Практические люди вполне закономерно считают дураками такие поступки, в основе которых лежит не стремление к собственной выгоде, а стремление к высшим духовным ценностям (истине, красоте, добру, справедлив-

ности и т.п.). Эти ценности им непонятны. Они живут постулатами практического разума. Но именно эти постулаты Иван-дурак игнорирует. Вот почему, с их точки зрения, он – несомненный дурак.

С иронией об этом написал В.П. Аникин:

"Он явный дурак, когда завещанные ему отцом сто рублей отдаёт за собаку, спасая её от побоев жестоких мясников. Он дурак, когда спасает кота, которого несли в мешке, чтобы утопить. С точки зрения трезвых людей, погрязших в корыстных расчётах, Иван, действительно, дурак: он не похож на окружающих" (*Русская народная сказка*).

Возьмём только случай с собакой из сказки "Волшебное кольцо". Эту собаку Мартынка купил у мясников, чтобы они её не убили:

"Едет он мимо мясных лавок – шум, брань, толпа народу. Что такое?"

А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют её палками; собака рвётся, визжит, орызгается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

– Братцы! За что вы бедного пса так бьёте немилостиво?"

– Да как его, проклятого, не бить, – отвечают мясники, – когда он целую тушу говядины испортил!

– Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

– Пожалуй, купи, – говорит один мужик шутя, – давай сто рублей.

Мартынка вытирал из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой.

Пёс начал к нему ластиться, хвостом так и вертит: понимает, кто его от смерти спас.

Если исходить из постулатов практического разума, мы видим здесь явный дурацкий поступок, который совершил Мартынка. Какие в этом могут быть сомнения? Ему с матерью есть нечего, а он купил втридорога какую-то собаку... Между тем этот Мартынка лучше тех, кто так думает. Он спас собаке жизни! А со временем и она спасёт его вместе с котом Васькой, которого он купил у злого мальчишки на последние деньги.

Наш сказочный умный дурак – белая ворона. Среди чуждого ему окружения он слишком недальновиден и непродумлив. Он не умеет, как это окружение, заглядывать под себя. Он говорит правду, совершает добрые и справедливые поступки, но в глазах других людей они выглядят нерасчётливыми и смешными. Эти другие его "умнее". В общем, всё, как в жизни.

Выходит, что "глупость" нашего сказочного умного дурака состоит в том, что он лучше других. Именно те, кто человеческие, бескорыстнее, чище, безобиднее, честнее, добрее и т.д., у нас часто и сплывут за дурачков. Те же, кто видит в этих "дурачках" самих себя, радуются не награждают: если уж не в жизни, то хоть в сказке "дуракам" везёт; если уж не в жизни, то хоть в сказке "дуракам" помогают чудесные помощники – щука, пёс Журка и кот Васька, Оливало, Обьедало, Стреляло и т.п.